

1. Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о среднем классе российского общества // Мир России, №5. - 1998г. – С. 29-40.
2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. – 323 с.

* * *

В данной статье автор рассматривает проблемы определения идентификационных критериев при изучении среднего класса в социально-экономической структуре. Рассмотрено определение критерия среднего класса в современном казахстанском обществе.

* * *

The author considers the problem of definition of identification criteria of middle class research in social-economic structure of society. The definition of the criterion of middle class in the modern Kazakhstan society is presented.

А.А. Кульшанова

ИДЕОЛОГИЯ СТАЛИНИЗМА – ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В современной российской и казахстанской историографии сталинизм рассматривается как советский вариант тоталитаризма, изучены его существенные характеристики и закономерности на материалах СССР [1;2;3;4].

Западные исследователи считают, что первые признаки тоталитаризма появились сразу же после победы Октябрьской революции. Так, Р. Пайпс писал: «Приступив немедленно после прихода к власти к восстановлению полицейского государства, Ленин и его соратники революционеры, безусловно, считали, такие шаги чрезвычайными мерами – точно также, как думало в свое время царское правительство. Они полагали, что ЧеКа, «ревтрибуналы», массовые казни, лагеря принудительного труда, ссылки, цензура и тому подобные репрессивные институты необходимы для того, чтобы выкорчевать последние остатки царского режима. Сразу после выполнения этой задачи вновь созданные учреждения будут ликвидированы. Однако «временные» репрессивные меры коммунистов постигла та же участь, что и подобные мероприятия их предшественников: их регулярно продлевали, и огульное использование связанных с ними насильственных акций постепенно перестало иметь какое-либо отношение к порядку, который они были призваны охранять» [5]. Английский философ и общественный деятель Б. Рассел, посетивший Советскую Россию в 1920 г. в составе парламентской делегации, заметил: «опыт пребывания у власти неизбежно меняет коммунистические теории, и люди, контролирующие мощную государственную машину, вряд ли будут иметь те же взгляды на жизнь, что они имели, когда были в положении преследуемых» [6]. Здесь также уместно провести аналогию с Великой Французской революцией, на знаменах которой были написаны слова «Свобода, равенство и братство!», но вслед за этими прокламациями пришли массовые аресты, тюрьмы и гильотина. И в России, и во Франции революция утонула в «красном терроре», поглотившем в первую очередь своих основных

исполнителей и вождей, а попутно массы ни в чем не повинных людей, ставших ее безымянными жертвами.

По мере укрепления советского государства тоталитаризм как спрут захватывал всю большую территорию, изменяя природу государственной власти. Уничтожение официальной оппозиции было частью процесса концентрации и укрепления объединенной власти партии и государства, превращения ее в абсолютную. Важным шагом в централизации партийной власти явилось учреждение в апреле 1922 г. поста Генерального секретаря ЦК, что послужило концентрации в руках И. Сталина практически «необъятной власти» и ускорило процесс централизации и бюрократизации партийного аппарата. Его структура была унифицирована. Во главе партийных комитетов на административно-территориальном уровне стояли освобожденные секретари, которые фактически назначались. Создалась иерархия секретарей во главе со Сталиным, как жесткий организационный костяк партии и общества, основная несущая часть административно-командного каркаса. Отвердевший верхушечный слой партийных функционеров превращался в кастовый партийный слой. ВКП(б) и ее партийный аппарат фактически взяли под контроль и надзор все государственные и общественные структуры. Диктат выражался в беспрекословном выполнении партийных директив этими структурами и аналогичными партийными методами деятельности. Таким образом, в руках Сталина был административный аппарат партии, кадры, из которых и составлялась исполнительная власть. А законодательная, судебная и прочие власти всецело подчинялись исполнительной.

Все советское общество оказалось под властью мощной деспотии, насаждалась ортодоксальность взглядов, и возросла суровость наказания тех, кто не разделял их [7]. По М. Малиа, отталкивающая личина советизма выявилась только с течением времени, но по нарастающей, по мере того, как диктатура пролетариата превращалась сначала в диктатуру партии, потом в диктатуру Сталина, и, наконец, пока возникшая в результате всего этого тоталитарная система разрослась в грозную сверхдержаву на мировом уровне [8]. И далее: «В результате революции произошло утверждение партократии. «Партократия» - термин, изобретенный А. Авторхановым, - весьма точно характеризует советский режим, ибо вся жизнь теперь подчинялась политическим императивам всезнающей партии. Но советский режим представлял собой также и «идеократию», если применить здесь термин Н. Бердяева, которым он назвал светскую теократию. В традиционной теократии Бог управляет не на прямую, а через своих священнослужителей; в светской идеократии, которая возникла в Советской России, идея Социализма тоже управляла жизнью косвенно, через «партию-авангард» посредством диктатуры пролетариата, по сути, являвшейся диктатурой аппарата. Ибо рабочие и крестьяне не создают идеократических партократий, это дело – политиков-идеологов» [9]. Социальный феномен большевизма следует рассматривать как некую религию, а не просто политическое движение.

И.И. Маслов предложил разграничивать термины «сталинщина» и «сталинизм». Под первым он понимает обобщенное определение системы политической организации общества при жизни Сталина, со всеми присущими ей злоупотреблениями властью, преступлениями против народа и другими негативными явлениями. Сталинизм, по его мнению, представляет собой исключительно жесткую, авторитарную идеологию, охватывающую все сферы жизни общества. Сталинизм как идеология не сводится только «к культуре личности, а далеко выходит за эти рамки,

включает в себя и своеобразную интеграцию теории социальной революции и определенную модель социализма, и представления о методах его созидания, и свои этические установки, и «оригинальные» суждения о роли партии и способах осуществления ею своей руководящей роли в обществе и т.д.» [10]. С точки зрения С.В. Чешко, сталинизм представлял собой систему тотального огосударствления общественной жизни, от экономики до искусства [11].

Важнейшим условием возникновения сталинщины и сталинизма явилась однопартийная система, обеспечивавшая монополию РКП(б)-ВКП(б) и постоянное ограничение внутривластной демократии вплоть до сведения ее на нет. И. И. Маслов годом появления идеологии сталинизма считает 1929 г., «год великого перелома», как его называл сам Сталин. Ее формирование продолжалась на протяжении 30-х гг., и первый ее период завершается 1939 г. Результатами было: «Построение казарменного социализма и тоталитарного государства, осуществление геноцида против собственного народа, окончательное утверждение культа личности Сталина, превращение общественных наук в орудие пропаганды Сталина и унификация культуры под знаком «социалистического реализма» [12].

Ко второму периоду Маслов относит 1939-1945 гг., когда в идеологию и политическую практику внедряются имперские и шовинистические амбиции. Это период развития сталинизма. 1946-1956 гг. – третий период – апогей и закат сталинизма.

Характерными чертами сталинизма как идеологии являются: абсолютная непримиримость к любым отклонениям от официально утвержденной точки зрения; внешняя простота, элементарность, приспособляемость к восприятию теоретически неразумным сознанием; универсализм [12]. По Воронову, идеология была интеллектуальной формой оправдания существующего порядка, «чтобы создать позитивный образ своего политического действия. Тем самым она позволяет избежать чувства вины за определенные политические действия» [13]. Ю.М. Воронов выделяет две основные формы политической идеологии советской системы: агитационно-пропагандистский и деятельностный.

Одним из основных постулатов сталинизма было признание сохранения и обострения классовой борьбы в области идеологии по мере укрепления и развития социализма как внутри страны, так и на международной арене. Обратной стороной лжи и фальсификаций было отсутствие гласности и безграничная секретность, касавшаяся и прошлого и настоящего, прежде всего любых реальных негативных явлений, якобы порочащих социализм как идеальное общество, лишенное серьезных противоречий и проблем, существенных недостатков.

Формирование культа личности Сталина происходило не само собой. Это был хорошо спланированный и организованный процесс идеологического воздействия на массы, в котором активное участие принимало окружение Сталина, верный ему аппарат, «прирученная» им общественная наука, средства массовой информации, литература и искусство.

Конечной сверхзадачей сталинизма было создание системы идейного террора, страха и формирования единомыслия, в условиях которого Сталин получал исключительную возможность и фактическое право высказывать истины в последней инстанции [12]. Но, с точки зрения Э. Фромма, «авторитарные силы не в состоянии устранить основные факторы, которые порождают стремление к свободе. Точно также не могут ликвидировать само стремление к свободе, являющейся результатом этих усилий» [14]. Данная мысль великого философа находит подтверждение в

истории СССР, когда 70-летнее пребывание авторитарного режима у власти не смогло полностью задушить свободомыслие, было и диссидентское движение, и «полочные» кинофильмы, и запрещенные книги (к примеру, «Аз и Я» О. Сулейменова с евразийским подходом к истории»).

Таким образом, в 1930-е в Советском Союзе утвердился тоталитарный режим, главными чертами которого были однопартийная вождистская диктатура, где партия, по существу, слилась с государством; формирование номенклатуры как правящего слоя, состоящего из харизматического вождя, бюрократической элиты, средних и низших слоев бюрократической иерархии, которые господствуют над трудящимися; наличие унитарной идеологии; антиэгалитаризм вместо идеи преодоления классовых различий; утверждение идеи крайнего этатизма вместо идеи отмирания государства. В советской системе государственного управления существовала идеологическая монополия, законодательно охранялась государственная идеология. Доктриальное положение о ведущей идеологической и политической роли коммунистической партии после прихода большевиков к власти в решении задач государственного управления материализовалось в фактически утвердившейся концепции диктатуры партии. Власть перестала быть суверенной волей народа, определялась не правом, а партийными директивами, которые не были санкционированы государством. Феномен новой большевистской власти состоял в ее неприкосновенности в правовом порядке, следовательно, она была неопределенной в своих институтах и совершенно произвольной в своих функциях. Здесь теряли свой смысл такие понятия, как «превышение полномочий», «соблюдение норм Конституции и права» и т.д. Ни к Политбюро, ни к Сталину такие требования предъявить было невозможно. Все без исключения государственные органы принимали решения по партийным директивам под угрозой расправы со стороны органов диктатуры пролетариата – прокуратуры, судов, ОГПУ, всякий, кто не признавал роли партии расценивался как враг. Но желание большевиков подчинить себе полностью правительственные учреждения наталкивалось на необходимость сохранять их определенную самостоятельность и авторитет.

-
1. Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии, 1992. - № 2. - С. 4-20;
  2. Борисов Ю., Голубев А. Тоталитаризм и отечественная история // М.: Свободная мысль, 1992. - № 14. - С. 61-71;
  3. Балакаев Л.Н. Тоталитаризм: СССР в 1928-1947 гг. Алматы: Арлан, 1994. - 32 с.;
  4. Нысанбаев А.Н., Сулейманов Ф.М. Между миром и разумом. (Из опыта духовных исканий XX в.). Алматы: Казахстан, 1991. – 125 с.
  5. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. - 414 с.
  6. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. - 128 с.
  7. Карр Э.Х. Русская революция. От Ленина до Сталина. 1917-1929. М.: Интер Версо, 1990. – 133 с.
  8. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. – 180 с.
  9. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. – 165 с.
  10. Маслов И.И. Идеология сталинизма: История утверждения и сущность. М.: Знание, 1990. - 64 с.
  11. Чешко С.В. Современные мифологемы или национальный вопрос в СССР // Национальные процессы в СССР. - №2. – 289 с.

12. Маслов И.И. Идеология сталинизма: История утверждения и сущность. М.: Знание, 1990. - 200 с.
13. Воронов Ю.М. Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917-1929 гг.). Иваново: Ивановский инженерно-строительный институт, 1993. – 190 с.
14. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Харвест, 2004. – 305 с.

* * *

Мақалада КСРО мемлекетіндегі ХХ-ғасырдың 20-30 жылдарындағы сталинизмнің маңызды мәселелері қарастырылады. Негізгі мән елдің қоғамдық-саяси өміріндегі қалыптасқан тәртіп пен оның салдарының негізгі белгілеріне беріледі.

* * *

The theoretical problems of stalinism in the USSR in 1920-1930 are considered. Particular attention is given to the main signs of the regime and to its consequences for the social and political life of the country.

Н.А. Кебина

ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Мы солидарны с авторами, которые считают, что глобализация не является новым явлением. В недавнем прошлом использовался куда более привычный термин – «интеграция». «Истинная проблема человеческого вида на данной стадии его эволюции состоит в том, что он оказался неспособным в культурном отношении идти в ногу и полностью приспособиться к тем изменениям, которые он сам внес в этот мир» [1]. Н.А. Бердяев в «Философии неравенства» пишет: «Деньги, технологии, товары, информация, яды «перешагивают» границы, словно их вовсе не существует. Даже вещи, лица и идеи, которые правительства не хотели бы впускать в свои страны (наркотики, нелегальные иммигранты, ...нарушения прав человека) находят пути проникновения. Понимаемая таким образом глобализация означает аннулирование расстояний, погружение в часто нежелательные и непонятные транснациональные формы жизни» [2].

Осознает ли человечество ныне особый накал, «остроту» сложившейся ситуации? Правильно ли торит себе дорогу? Спасется ли от реальной угрозы самоуничтожения? Человек, живущий в ухудшающихся экологических условиях, страдающий от физических недугов, хочет (может) ли стремиться к вечному, значимому, подлинному, совершенному? Поиск ответов на эти непростые вопросы обращает наше внимание на значимость проблем НТП в рамках осмысления индивидуального жизненного пути и перспектив развития человечества. А. Маслоу, развивая концепцию психически здорового общества, пишет *о теории социального синергизма*, отмечая, что социальный синергизм определяется степенью межличностного объединенного действия и гармонии в обществе [3]. Очевидно, что степень межличностного объединения и гармония в современном обществе далеки от совершенства. Результатом процесса НТП становится новая цивилизация – информационная, которая далеко не по всем параметрам является благом, ведь «человек оказался перед страшной реальностью, смысл которой в том, что творец демонов перестал быть их господином. Вопрос о природе этой человеческой силы-бессилия вырастает в вопрос о сущности человека – на сей раз в новом, сугубо практическом смысле» [4].